

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	44
Глава 10	48
Глава 11	55
Глава 12	60
Глава 13	71
Глава 14	75
Глава 15	82
Глава 16	85
Глава 17	90
Глава 18	95
Глава 19	100
Глава 20	106
Глава 21	113
Глава 22	120

Глава 23	129
Глава 24	134
Глава 25	138
Глава 26	142
Глава 27	146
Глава 28	150
Глава 29	155
Глава 30	157
Глава 31	161
Глава 32	165
Глава 33	168
Глава 34	177
Глава 35	184
Глава 36	191
Глава 37	196
Глава 38	202
Глава 39	206
Глава 40	210
Глава 41	218
Глава 42	223
Глава 43	234
Глава 44	237
Глава 45	244
Глава 46	250

Глава 47	257
Глава 48	264
Глава 49	269
Глава 50	274
Глава 51	280
Глава 52	285
Глава 53	290
Глава 54	294
Глава 55	303
Глава 56	307
Два месяца спустя.....	313

Талантливому педагогу и прекрасному человеку, руководителю ансамбля «Классик-домра» Ларисе Ивановне Демченко посвящается.

Грузовичок «Жук» веселого желтого цвета вывернул с улицы, примыкающей к площади Ратуши, и как-то воровато-неспешно двинулся к следующему перекрестку. Многочисленные прохожие, в основной своей массе туристы, с недоумением поглядывали на яркую машину – улица была с односторонним движением, грузовик же двигался в запрещенном направлении. Кто-то достал мобильный телефон, чтобы сделать фото нарушителя, но машина неожиданно резво рванула вперед. Визг тормозов и отчаянный многоголосый вскрик слились в страшный аккорд свершившейся беды. Не останавливаясь, грузовик быстро проехал до перекрестка и свернул направо. На месте аварии вмиг образовалась толпа. Несколько человек снимали происходящее на камеру, но большинство, возбужденно переговариваясь, пытались через головы впереди стоящих рассмотреть лежащего на дороге человека.

Маленький мальчик, успев к пострадавшему быстрее прочих, в растерянности обернулся к спешившей за ним девушке.

– Сара, – произнес он по-русски. – Это же Катя, да? Ну, скажи, Катя?

– Сема, пойдем, – девушка бросила быстрый взгляд поверх его головы, решительно развернула мальчика и,

держа за худенькие плечики, повела сквозь толпу прочь.

– Ты что?! Так и уйдешь?! А она пусть лежит?! – тот с возмущением вырвался из ее рук и побежал напрямиком к подъехавшему в этот момент к месту аварии полицейскому автомобилю.

– Пан полицейский, там Катя! Моя сестра! Ее сбила машина! Желтая! – затараторил он без остановки, указывая пальцем на толпу. Тот непонимающе посмотрел на девушку. Та вдруг сильно побледнела и стала оседать на асфальт.

– Ой, приступ начинается, – округлив глаза, тихо произнес мальчик и кинулся к ней. Польский полицейский, не поняв ни слова, но разобравшись в ситуации интуитивно, взял в руки рацию. Его напарник, отодвинув мальчика в сторону, склонился над девушкой.

Никто не заметил, как белоснежный «Форд», за несколько минут до происшествия медленно двигавшийся вдоль тротуара навстречу грузовику, вдруг резко прибавил скорость и на перекрестке свернул в переулок. За рулем была женщина. Проехав еще несколько кварталов, машина остановилась. Женщина сняла темные очки, посмотрела в зеркало заднего вида.

– Хм, неожиданно! – произнесла она с легким смешком. – И как удачно! Одной проблемой меньше...

Кровь человека – мостик между душой и телом. Душа в маленького, еще нерожденного, человечка лишь в середине срока беременности вселяется, тогда и кровь пульсировать начинает. И информация от матери к ребенку по крови передается: доброта, праведность поступков или преступность. Все, что накоплено ею и отцом за время их половой зрелости. Никто за тебя не решит: добро нести в мир или зло. И что ребенку своему передашь: любовь к миру или озлобленность.

Глава 1

Семка беспокойно ерзал на жестком стуле в холле полицейского участка. Он так и не смог объяснить, кто такая Катя. Его не понимали. Телефон мамы Веры не отвечал – оно и понятно, отключила на время экскурсии. Тогда он набрал номер переводчицы Элины, которая работала с их ансамблем с первого дня фестиваля. И успокоился, когда та ответила, что подедет в участок через десять-пятнадцать минут. А сейчас вот мысли о Саре заставили его вновь тяжело вздохнуть. Как он объяснит маме Вере и остальным, почему у нее случился приступ? Ведь он, Семка, за Сару отвечает! И должен ее беречь. Потому что приступ – это страшно! Страшно, когда и так бледное ее лицо становится совсем белым. Когда она, глядя пе-

ред собой испуганно и умоляюще, ловит ртом воздух, судорожно сжатыми пальцами сминая плед на кровати. А он, Сема, бестолково мечется по девчачьей спальне, хотя мать сто раз говорила, где лежит Сарино лекарство. Потом, сунув сестре спрей, дрожащими руками набирает «ноль три». И ждет скорую, поминутно подскакивая к окну.

Семка обожал Сару и боялся. И все делал не так. И вилка из левой руки сама выскакивала, а за ней и нож из правой – на скатерть! А то и в соусник! Сроду эта плошка перед ним стоит, словно другого места ей на столе нет! Пробовал отодвинуть, пока еще за стол никто не сел, не выходит. Кружочек, что ли, под ней Сара нарисовала? Прямо под доньшком! И кричит он всегда громко. Как назло, все вдруг замолчат, а он в этот момент – вопит. «Учись сдерживать свои эмоции, Семен!» – проговорит Сара вроде бы спокойно и ласково, но у него вдруг от ее жалостливого тона ком в горле. Даже «извини» не всегда выдавить удастся. Наверное, Сару и другие боятся, но им что – все взрослые, а он – поскребыш! Так его называет отец. Последний он в семье, со старшей, Катей, разница аж в двадцать лет!

Ее, Катерину, не взяли на фестиваль в Краков потому, что ей уже живот на нос лезет! «То есть, она в интересном положении», – промелькнуло в голове выражение Сары. Ну очень интересное положение! Тошнит все время, толстая стала, в отцовском кресле не уместается и все время плачет. Кино про любовь смотрит или про войну, без разницы – сразу в слезы. Ей, значит, эмоции показывать можно!..

– Ой! – довольно громко вскрикнул Семка и испуганно посмотрел на обернувшегося к нему полицейского. – Это не Катя! Она не может, потому что...

– Сема, что случилось? Что с Сарой? – Элина кинулась к нему, едва переступив порог участка.

– У Сары приступ! Ее увезли в больницу на машине с красным крестом! А я думал, там, на дороге Катя, а сейчас понял – не Катя! Кукла, что ли, с нее слеплена? С Катиными глазами? Ее зачем-то бросили под желтую машину! Элина, ты понимаешь, что Катя не может быть там, на дороге? Понимаешь?

– Сема, успокойся. Я сейчас поговорю с паном полицейским, и все прояснится. Ты посиди пока тут, – Элина погладила его по голове и отошла к поджидавшему ее офицеру.

Семка смотрел на нее и пытался понять, о чем она так долго тому рассказывает. Полицейский показывал ей какие-то бумаги, Элина кивала, говорила что-то по-польски, и Семка несколько раз услышал имя Катя. Наконец он не выдержал и подбежал к Элине.

– Это не Катя! Кукла с ее лицом! – невежливо перебил ее он, сердито зыркнув на полицейского. – Как Суок в «Трех толстяках»!

– Сема, успокойся! – Элина достала из сумки телефон.

Семка почти что повис на руке Элины – та показывала на экране мобильного фотографию Кати. Снимок был сделан в прошлом году во время концерта в Москве, куда Элина прилетела специально, чтобы встретится с ними. Полицейский кивал согласно и печально и что-то отвечал ей.

– Элина, что ты ему говоришь? Что это Катя там, да? Ну, Элина!

– Да, Сема. Успокойся. Она, видимо, прилетела сегодня, хотела сделать сюрприз. Я понимаю, тебе страшно, и ты...

– Да не страшно мне! Это не Катя! – упрямо перебил Семка, отчаиваясь оттого, что так и не мог ничего объяснить. Какая-то деталь ускользала от внимания, он пытался сконцентрироваться, снова повторяя и повторяя про Суок. В конце концов Элина, бросив обеспокоенный взгляд на полицейского, решительно взяла его за руку и подвела обратно к стулу, на котором он недавно сидел.

– Сема, послушай! Пан полицейский все понял, он больше ничего у тебя спрашивать не будет. Это не Катя, ты прав, – проговорила она слишком быстро, и Семка догадался, что она ему по-прежнему не верит.

– Элина, нам завтра уезжать...

– Да, я помню. Поедем в гостиницу, мы здесь больше не нужны.

– А как же полицейский? – зачем-то спросил он. – Ведь он же не так думает, как нужно! Это не Катя!

– Ну почему ты так настаиваешь?! Хватит уже! – в сердцах прикрикнула на него Элина.

– Я знаю, почему! Катя беременна! А эта – нет! – громко и четко выговорил он, словив-таки ускользающую от него все это время мысль.

Элина удивленно посмотрела на него. И тут же перевела взгляд на появившегося в дверях кабинета полицейского.

Она что-то сказала ему по-польски, уверенно кивая. Тот нахмурился.

– Посиди здесь, Сема. Мне нужно еще раз увидеть... То есть, я схожу с паном офицером, ты только никуда без меня не уходи.

Он и не собирался. В гостинице все равно никого из своих не было – уехали на экскурсию по Кракову и вернутся только к вечеру. Без Элины ему даже не дадут ключ от номера.

Сема сидел на стуле и болтал ногами. Он успокоился. Ему поверили, и это было на данный момент самым главным. Катя дома, в Самаре. Наверное, в кладовке уже не осталось ни одной банки солений. А ему не жалко, хотя он и сам любит хрустящие огурчики и красненькие помидорки с лопающейся от надкуса шкуркой. Через два месяца, в августе, как ему сказала Сара, он станет дядей. И перестанет быть самым младшим в их большой семье.

Глава 2

Михаэль прождал ее в кафе полтора часа. Конечно, Анка никогда не отличалась обязательностью, но это было уж слишком. В конце концов, он решает ее проблемы. Она создает, а он всегда отвечает за ее проступки. С детства.

На этот раз Михаэль не сразу понял, о чем ему рассказывает сестра. Так давно они не виделись, что он уже и забыть успел, какие непредсказуемые последствия обычно наступают после ее авантюрных задумок.

...Они выросли без матери. Фотографии и написанный маслом портрет находились в ее бывшей спальне. Дети заходили туда редко, особенно Анка, которая с раннего детства боялась этой, как она называла, «мертвой» комнаты. Однажды она призналась брату, что чувствует там запах горящих свечей и даже «слышит» потрескивание пламени. Михаэль тогда только пожал плечами – ни одного подсвечника в комнате не было, только старинная масляная лампа на каминной полке, поставленная скорее для интерьера, чем для полезного применения в случае необходимости. Единственное, что вызывало его интерес, – запертый ящик старинного бюро.

Но и он не любил эту комнату. Тоски по матери Михаэль не испытывал, Анка, как чувствовал, тоже, но отец приводил их, маленьких, туда за руки, усаживал на высокую кровать и рассказывал о ней. Повзрослев, они поняли, что делал он это лишь для того, чтобы они не забывали о женщине, которая дала им жизнь. Но как можно помнить о том, кого не видел ни разу в жизни?

С годами Анка стала все больше походить на отца: тонкий нос, четко очерченные губы и глаза цвета болотной зелени делали ее очень привлекательной. Ему ж достались высокий лоб и небольшие, глубоко посаженные глаза матери. Но, как любил пошутить отец, они оба «не из родни, а в родню». Михаэлю эта фраза казалась странной, какой-то чужой, не из их мира...

Он уже в который раз набрал номер мобильного сестры. «Ну ладно, опаздывает! На звонки могла б ответить!» – мысленно попенял ей, но беспокойство нарастало.

Ждать дольше не имело смысла. Он почти точно знал, что с Анкой случилась беда. Михаэль подозвал официанта.

– У меня к вам просьба. Если вдруг вот эта девушка появится здесь, попросите ее срочно перезвонить брату, – он показал парню на экране телефона фотографию Анки и, оставив щедрый чаевые, вышел на улицу.

Краков он знал как свои пять пальцев, изучив все закоулки еще во время учебы в Ягеллонском университете. Ближайший полицейский участок находился в паре кварталов от кафе, в котором он только что ждал Анку, и Михаэль решил оставить машину и пройти пешком. Он надеялся, что по пути в участок его догонит-таки звонок сестры.

Михаэль подошел к полицейскому участку, легко взбежал на крыльцо и потянул на себя массивную дверь.

– День добрый! Я разыскиваю свою сестру, у меня есть основания предполагать, что с ней могло случиться несчастье, – от волнения и дурных предчувствий его голос слегка охрип. Он сбивчиво рассказывал об Анке, показывал ее фотографию и не сразу заметил, что кроме полицейского его внимательно слушает молодая женщина у стойки. В один момент он поймал ее встревоженный взгляд, брошенный на офицера, и его ответный кивок. Этот безмолвный диалог вызвал в нем такую панику, что Михаэль не сдержался и схватил ее за руку.

– Вы что-то знаете, да? Видели ее? Где? Когда? – он поднес к ее лицу телефон с фотографией Анки. – Это она? Вы знаете, что с моей сестрой?

Михаэль долго шел за полицейским по длинному коридору, спотыкаясь на неровно уложенных плитках. Он чувствовал, как тут же чья-то рука подхватывает его под локоть и сразу же отпускает. В голове отзывались лишь гулкой стук каблучков и глухие удары собственного сердца.

Михаэль узнал Анку по одной только кисти руки, свисающей со стола из-под белой простыни: между средним и указательным пальцами четко был виден след ожога – последствие детской шалости сестры. Первое, что он сделал, не отдавая себе отчета, – натянул край белого полотна на эту руку.

Ему показали ее лицо. Он было с облегчением вздохнул: нет, не она! Радостно оглянулся на молодую женщину, все еще стоявшую у него за спиной. И тут же повернулся обратно. Внутренний голос, голос их с Анкой ангела-хранителя шепнул ему, что из них, двойняшек, он остался один.

– Русские музыканты, они приехали на фестиваль... Девушка и мальчик Сема видели, как вашу сестру сбила машина... – слышал он как будто издали женский голос.

– Какая девушка? – спросил он машинально.

– Сестра Семена, Сара. Ей стало плохо с сердцем, ее увезли в больницу. А я – Элина Поплавская, переводчица. Могу вам чем-то помочь? Вот, возьмите мою визитку, возможно, у вас будут вопросы. А я должна отвести мальчика в отель. Скоро его семья вернется с экскурсии, – она протянула Михаэлю картонный прямоугольник. – До свидания.

– Спасибо, – он машинально сунул карточку в нагрудный карман куртки.

«Сема – это, наверное, тот мальчик, что сидел в холле», – вспомнил Михаэль, подписывая какие-то бумаги.

Глава 3

Вера Михайловна Бражникова почти не слушала экскурсовода. Она смотрела на красоту за окном автобуса и пыталась сосредоточиться на главном: завтра они возвращаются домой в Россию. Все, кажется, прошло благополучно, они заняли второе место в конкурсе. Еще вчера она с улыбкой наблюдала за младшим Семей, как он смешно расстроился, что они не первые. Совсем ненадолго расстроился, и тут же его конопатое личико озарила радостная улыбка – все подарки для их музыкальной семьи несли ему, складывали прямо на пол у его ног, а он всем говорил быстрое «спасибо» или выученное польское «dziękuję» и оглядывался на нее. Увидев одобрительную улыбку, вновь поворачивался к очередному дарителю.

Они всегда с гастролей и конкурсов увозили домой много подарков, фотографий и память о новых друзьях. И никогда Вера Михайловна не испытывала такого беспричинного беспокойства, как в этот раз.

Еще дома, проверяя уложенный багаж и держа в руках билеты и паспорта, вдруг ни к месту вспомнила она все трудности, связанные с предстоящей поездкой. Поначалу не хватало денег. Но нашелся спонсор, не совсем бескорыстный, хотя и с вполне приемлемыми ус-

ловиями. Не поехала Катя, расстроившись не меньше самой Веры Михайловны – врач вдруг забеспокоился по поводу протекания беременности. И, наконец, Сара настояла на своем участии, несмотря на участвовавшие в последнее время сердечные приступы. А Вера Михайловна сдалась.

В суете путешествия и проходящего фестиваля она немного отвлеклась от своих страхов, но в уютном салоне экскурсионного автобуса вновь тревожно заняло в груди.

– Казимеж – в прошлом отдельный город, а сейчас район Кракова... Еврейский геноцид фашистов опустошил город, о чем достоверно показано в известном фильме Стивена Спилберга «Список Шиндлера». До сих пор идет восстановление... – услышала Вера Михайловна голос гида.

«Насколько же нужно быть пропитанным ненавистью к еврейской нации, чтобы истреблять подряд всех ее представителей, независимо от места их проживания, пола и возраста! Извести целый город!» – подумала она и вспомнила о Саре. Девочка так устала, что отказалась от экскурсии по Кракову. А Сема сам вызвался побывать с ней. Они собирались прогуляться по городским улицам, далеко не удаляясь от отеля.

– На той стороне Вислы расположен район Подгуже, также бывший ранее отдельным городом. Чтобы попасть из Казимежа в Подгуже, нужно перейти по одному из мостов, например, по этому мосту Пилсудского. Гордостью Подгуже является неоготический костел Святого Иосифа...